

ББК 82.3  
УДК 398

Т. Г. ИВАНОВА  
(Санкт-Петербург)

**ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ  
БАРТЕНЕВ — РЕВОЛЮЦИОНЕР,  
ЭТНОГРАФ И ФОЛЬКЛОРИСТ<sup>1</sup>**

*Аннотация.* В статье восстанавливается биография В. В. Бартенева (1864—1920) — участника революционного движения, отбывавшего ссылку в селе Обдорске в Западной Сибири, где он собрал этнографический материал об осятках, а также о русском населении края. В. В. Бартенева принадлежат записи русских обдорских песен. Автор рассматривает общественно-политическую деятельность В. В. Бартенева и уточняет обстоятельства его гибели.

*Ключевые слова:* В. В. Бартенева, этнографы, фольклористы, обдорские песни.

Во второй половине XIX в. в России развитие этнографии и фольклористики шло рука об руку с революционным движением. Напомним такие яркие имена революционных деятелей, внесших выдающийся вклад в изучение традиционной культуры, как П. Н. Рыбников, И. А. Худяков, В. Г. Богораз (Тан), Л. Я. Штернберг и др. К этой категории фольклористов относится и В. В. Бартенева, первым записавший русские народные песни в Обдорске.

Виктор Викторович Бартенева (5(17).7.1864, Костромская губ. — март

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке программы Фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Биобиблиографический словарь русских фольклористов».

1920, г. Архангельск) родился в семье, причастной к революционному движению. Отец его, Виктор Иванович Бартенева (1838—?) был костромским дворянином. Будучи офицером, он принимал участие в подавлении Польского восстания 1863 г., после чего усомнился в правильности общественного устройства в России. Мать В. В. Бартенева, Екатерина Григорьевна Броневская (1843—1914), также происходила из дворянской семьи, владевшей землями в Тульской, Вологодской, Ярославской и Костромской губерниях. Ее радикальные взгляды сложились, по-видимому, в ранней юности. В январе 1863 г. она вышла замуж за В. И. Бартенева. Молодые люди с передовыми общественными взглядами, они в конце 1867 г. уехали в Швейцарию. Здесь семья Бартенева, в которой было уже двое детей, сошлась со знаменитым анархистом М. А. Бакуниным, но вскоре перешла на позиции марксизма. В 1869 г. Бартенева вместе с Н. И. Утинским создали Русскую секцию в Первом Интернационале, участвовали в издании эмигрантского журнала «Народное дело». В 1870 г. Е. Г. Бартенева оказывается в Париже. Имеются сведения, что, как и знаменитая А. В. Корвин-Круковская (по мужу Жаклар), ее близкая подруга, в 1871 г. во время Парижской коммюны она оказывала медицинскую помощь коммунарам. В 1871 г. Бартенева вернулись в Россию. Их окружение — знаменитые революционеры-народники Н. И. Кибальчич, Д. А. Клеменц, С. М. Степняк-Кравчинский, Н. А. Морозов. В 1878 г., когда после неожиданного оправдания в суде Вера Засулич скрывалась от полиции, Е. Г. Бартенева была одной из тех, кто укрывал знаменитую революционерку-террористку. Однажды по поручению народовольцев она переносила на себе на квартиру революционеров динамит [Иеропольский 1930, 179—180]. В конце 1880-х — нача-

ле 1890-х гг. Е. Г. Бартенева была связана с группой М. И. Бруснева, стоявшей на социал-демократических позициях. В июле 1889 г. под фамилией Артенева она участвует в работе Первого конгресса Второго Интернационала (Париж), являясь одним из секретарей конгресса. В 1891 г. Е. Г. Бартенева была выслана из Петербурга в Псков, где находилась до августа 1898 г. Впоследствии она проживала в Петербурге, принимала участие в митингах во время революции 1905 г. [Деятели революционного движения в России 1933, 205—207]<sup>2</sup>.

Е. Г. Бартенева отдала все земли, которые ей принадлежали, без какого-либо выкупа крестьянам. По возвращении из Швейцарии с 1871 г. она жила литературно-переводческим трудом. В ее некрологе говорится: «Она вела хронику французской жизни в “Отечественных записках”, “Деле”, “Слове”, а также и хронику иностранной жизни в “Молве” и “Новостях” (15 лет к ряду)» [Хроника 1914; Кауфман 1914]. В «Отечественных записках», по атрибуции В. Э. Богграда, ей принадлежат переводы 85 «Хроник парижской жизни» Ш. Л. Шассена с 1877 по 1884 г. [Богград 1971, 407]. Она же перевела с французского языка семитомный труд Сореля «Европа и французская революция» [Сорель 1892—1908]<sup>3</sup>.

Выросший в подобной семье Виктор Викторович Бартенов неизбежно должен был приобщиться и к революционному движению, и к гуманитарно-литературной сфере. Он окончил одну из петербургских гимназий и в 1885 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Бартенов-студент оказался в гуще студенческой кружковской деятельности, о чем подробно писал в статье 1908 г. «Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов» [Бартенов 1908]. В 1885—1887 гг. он стоял во главе так называемого «экономического» кружка, члены которого ставили себе задачу изучения политической экономики и критического разбора полити-

ко-экономических учений (например, Д. С. Милля). По свидетельству одного из его участников С. А. Никонова, в конце 1885 — начале 1886 г. этот кружок посещали А. И. Ульянов, а потом и М. Т. Елизаров (будущий муж А. И. Ульяновой) [Никонов 1927, 136—137]. 17 ноября 1886 г. «экономический» кружок стал инициатором знаменитой «добролюбовской» демонстрации — акции, собравшей в Петербурге около Волкова кладбища в день 25-летия смерти Н. А. Добролюбова около 3000 студентов и курсисток.

«Экономический кружок» был не единственной радикальной организацией, к работе которой был причастен В. В. Бартенов. В своей революционной деятельности В. В. Бартенов пересекался со студентом Технологического института Л. Б. Красным — будущим видным большевиком [Красин 1923, 16, 18], который вел пропагандистскую работу среди учащихся военно-учебных заведений (юнкеров) и в рабочих кружках. В. В. Бартенов был близок к первым марксистским кружкам в Петербурге, в частности, на его квартире хранилась центральная (т. е. главная) касса рабочих кружков, которые с осени 1890 г. организовывал известный социал-демократ М. И. Бруснев. Последний вспоминал: «В. В. Бартенов, студент, хотя и не принадлежал формально к нашей организации, но много помогал нам, привлекал интеллигентов из многочисленных студенческих кружков, в которых он вращался. Он, между прочим, свел нас, т. е. наш кружок пропагандистов, с “попами”, как мы их тогда называли, т. е. с студентами Духовной Академии» [Бруснев 1923, 23].

За участие в студенческих беспорядках в марте 1890 г. В. В. Бартенов был арестован и выслан на несколько месяцев из Петербурга. Осенью того же года он вернулся. 15 апреля 1891 г. в столице состоялось самое громкое радикально-общественное событие конца XIX в. — демонстрация, связанная с похоронами известного публициста Николая Васильевича Шелгунова (1824—1891). Это был смотр революционных сил России, бросавших вызов консервативному правительству. В. В. Бартенов принял в демонстрации активное участие. Вскоре он опять подвергся

<sup>2</sup> В т. 2 этого издания Е. Г. Бартенева зафиксирована как Бартеньева (ур. Браневская) Екатерина Егоровна [Деятели революционного движения в России 1929, 87]. См. подробнее о ней: [Книжник-Ветров 1929].

<sup>3</sup> Без указания имени переводчика.

аресту и по высочайшему повелению 23 мая 1891 г. на четыре года был выслан в с. Обдорск Березовского округа Тобольской губ. (ныне: г. Салехард — центр Ямало-Ненецкого автономного округа) [Деятели революционного движения в России 1931, 229—230; Деятели революционного движения в России 1933, 202; Сибирская советская энциклопедия 1921, 254].

В Обдорске, в отрыве от полноценных библиотек и книжных магазинов, В. В. Бартенев вынужденно приобщился к этнографии и фольклористике. Русские революционеры, как известно, нередко, чтобы занять свой ум, становились в «местах не столь отдаленных» этнографами. В. В. Бартенев, как и многие политические ссыльные, начал изучать этнографию того коренного населения Сибири, в окружении которого он оказался — традиционную культуру самоедов и остяков, причем последние стали предметом его специального внимания. Напомним, что до революции остяками называли четыре народности, входящие в обско-угорскую группу уральской языковой семьи — ханты, кеты (енисейские остяки), юги (сымские остяки) и селькупы (остяки-самоеды). В. В. Бартенев, уточним, исследовал культуру хантов, проживавших в Березовском округе.

Известно, что В. В. Бартенев выучил остяцкий язык, составил остяцко-русский словарь (оставшийся в рукописи). Результатом наблюдений В. В. Бартенева над культурой хантов стали две его статьи, опубликованные уже по окончании ссылки в 1895—1896 гг. В статье «Погребальные обычаи обдорских остяков» [Бартенев 1895], опубликованной в петербургской «Живой старине», исследователь подробно описывает погребальный обряд: укладывание покойного в лодку; выведывание шаманом (или заменяющей его старухой), вследствие какого греха и греха перед каким именно божеством случилась смерть; устройством остяцких кладбищ («амбарчик» над «гробом»-лодкой); поминки; сроки траура и внешние его знаки и т. д.

По-видимому, еще находясь в ссылке, В. В. Бартенев установил связи с Тобольским губернским музеем, бывшим в конце XIX в. крупным культурным центром Западной Сибири. В «Ежегод-

нике» музея он опубликовал вторую статью — «Понятия обдорских остяков о грехе» [Бартенев 1896a], где описал, что христианское представление о «грехе» у остяков отсутствует. Остяки не знают понятия «греха» перед людьми; для них актуален только «грех» перед языческим божеством (разорение капищ, кража приношений идолу и пр.).

Традиционный быт остяков нашел место также в книге В. В. Бартенева «На крайнем северо-западе Сибири: Очерки Обдорского края» [Бартенев 1896; републ.: Тобольский Север 1998, 114—217]. Предметом этнографического описания является религия остяков (главное божество — Торым), шаманизм, идолы. Свидетельствует исследователь и о трансформациях христианских представлений в среде формально крещеных остяков.

В исследовании представлен также русский материал. По словам С. П. Швецова (также политического ссыльного), книга «дает широкую картину жизни Обдорского края, и в частности его русского населения». «В ней, — подчеркивает рецензент, — экономика перекрещивается с этнографией, естественно-исторические особенности края — с его культурой, общественная организация — с просвещением населения» [Швецов 1928, 84].

В работе приводятся сведения о Масленице в Обдорске (катушки — ледяные горы), указывается на почти полное отсутствие блинов. Этнограф рисует колоритные картины: «В прошлое воскресенье иногда устраивают проводы масленицы: как-то раз, идя по улице, я услышал какие-то странные дикие звуки: тут был и звон колокольцев, и грохот бубна, и пронзительные звуки гармошки. Обернувшись в ту сторону, я увидел оригинальное зрелище: в крестьянские дровни, завешанные рогожей, была впряжена лошадь, тоже вся в рогоже, в лоскутках, лентах и колокольцах. На ноги лошади были натянуты старые рваные портки и даже сапоги. Из-под рогожного шатра, укрепленного на дровнях вместе с каким-то соломенным чучелом, неслись дикие звуки. Это были проводы широкой масленицы» [Бартенев 1896, 105—106]. В книге имеется также описание святочного ряженья: любопытной деталью является

ряжение остяками, костюм «дурака» и пр. [Там же, 124]. Предметом описания в книге становится обдорская свадьба, причем В. В. Бартенева отмечает: «Я часто с удовольствием бывал на них» [Там же, 120]. Описывая отдельные этапы свадебного действия, исследователь приводит также тексты песен.

Как уже было сказано выше, в Обдорске В. В. Бартенева провел четыре года. По окончании срока ссылки 5 января 1895 г. он выехал в Псков, где в это время в ссылке находилась его мать. Известно, что ему пришлось заняться получением свидетельства о высшем образовании. Дело в том, что до своей ссылки В. В. Бартенева, увлеченный революционной деятельностью, не успел сдать итоговые экзамены в Петербургском университете. По возвращении из Обдорска он добился разрешения сдать их в Юрьевском (ныне Тарту, Эстония) университете.

В первые два года пребывания в Пскове (1895—1896) важным делом в его жизни стала публикация названных статей и книги. Однако данный этнографический период жизни В. В. Бартенева, начатый в 1891 г. в Обдорске, с публикацией книги «На крайнем северо-западе Сибири» в 1896 г. закончился.

В Пскове дом Е. Г. Бартенева и ее сына стал местом притяжения псковской интеллигенции, в среде которой было много ссыльных. И. Книжник-Ветров пишет: «... в центре тогдашних разговоров были разногласия между народниками и марксистами. Старший сын Е. Г., Виктор Викторович, большой знаток Маркса, разбиравшийся и в других социальных теориях и умевший обо всем прочитанном ярко рассказывать, был не раз докладчиком по наиболее животворящим темам». И далее автор, явно несколько конъюнктурно, добавляет: «Между прочим, он высоко уже тогда ценил В. И. Ленина и давал о нем представление как о вожде революции» [Книжник-Ветров 1929, 62].

Проживая в Псковской губернии, В. В. Бартенева поступил на службу в IV округ (уездный город Торопец) Псковского акцизного управления на должность старшего штатного контролера. На 1897 год он имел чин коллежского секретаря (10-й чин) [Памятная книжка Псковской губернии 1897,

119]. Согласно данным на 1899 год, В. В. Бартенева служит по I округу Псковского акцизного управления (непосредственно в самом Пскове) [Памятная книжка Псковской губернии 1899, 68]. Его жена, Надежда Алексеевна Бартенева, в это же время является членом правления Псковской городской общественной библиотеки [Там же, 79]. На 1901 год В. В. Бартенева числится младшим помощником надзирателя по Окружному акцизному управлению III округа (то есть округа г. Великие Луки) и проживает в г. Новоржеве [Памятная книжка Псковской губернии 1901, 109]. По этому же округу он значится и на 1903 год [Памятная книжка Псковской губернии 1903, 167].

В 1904 г. В. В. Бартенева переехал в г. Опочку Псковской губернии. В «Памятной книжке Псковской губернии на 1905 и 1906 г.» он числится младшим помощником надзирателя по Управлению II акцизного округа (в г. Опочке), причем в чине коллежского асессора (8-й чин) [Памятная книжка Псковской губернии 1906, 190]. «В Опочку он прибыл в 1904 году, — пишет С. Альтшулер, организатор местного марксистского кружка, — и поступил на службу в качестве чиновника винного склада. Старая замашка у него осталась, любил он кружки и беседы на политические темы. В его доме мы частенько собирались на чашку чая и здесь мы свободно высказывали свои мысли и ругали самодержавие на чем свет стоит <...> Мы его называли “путаным марксистом”. Тем не менее для нашей социал-демократической группы он был необходим. Он помогал нам деньгами и временами скрывал у себя нелегальных товарищей, которые приезжали в нашу организацию» [Альтшулер 1923, 104—105].

События Первой русской революции В. В. Бартенева пережил на Псковщине. На его глазах псковская провинция узнала о Манифесте 17 октября 1905 г., здесь начали создаваться политические партии, в 1906 г. прошли выборы в I Государственную Думу. Всё это описывается в мемуарах В. В. Бартенева о графе Петре Александровиче Гейдене (1840—1907), псковском помещике, с момента создания «Союза 17 октября» вошедшем в эту партию (но вскоре вышедшем из

нее), депутате I Государственной Думы [Бартенев 1907]. При всем различии политических взглядов мемуариста и лица, которое он описывал, судя по воспоминаниям, В. В. Бартенев явно симпатизировал П. А. Гейдену (см. о П. А. Гейдене: [Государственная Дума Российской империи 2008, 123—124]). Сам же он в этот период явно отошел от радикально-революционных позиций.

В 1907 г. В. В. Бартенев вместе с семьей (в это время у него уже двое детей) переехал в Архангельск<sup>4</sup>, где также служил, имея уже чин надворного советника (7-й чин) по акцизам — надзирателем IX участка Архангельского акцизного управления [Памятная книжка Архангельской губернии 1911, 81; Памятная книжка Архангельской губернии 1912, 143; Памятная книжка Архангельской губернии 1913, 136; Памятная книжка Архангельской губернии 1915, 23; Памятная книжка Архангельской губернии 1916, 30]. С конца 1900-х гг. он начал сотрудничать с московским издательством А. Д. Ступина. В серии «Библиотечка Ступина» В. В. Бартенев издал несколько научно-популярных книг для детей по биологии и астрономии.

В Архангельске В. В. Бартенев очень скоро установил связи с Архангельским обществом изучения Русского Севера (АОИРС), созданным 14 декабря 1908 г., — одним из самых ярких краеведческих обществ дореволюционной России. В 1909—1911 г. он был казначеем Общества [Памятная книжка Архангельской губернии 1909, 147; Памятная книжка Архангельской губернии 1911, 107]. В 1913 г. В. В. Бартенева избрали товарищем (заместителем) председателя правления АОИРС [Памятная книжка Архангельской губернии 1913, 199], впрочем, этот пост он занимал, кажется, недолго. В это же время он является председателем редакционной комиссии [Памятная книжка Архангельской губернии 1915, 46]. На 1916 г. В. В. Бартенев — член правления Общества [Памятная книжка Архангельской губернии 1916, 53].

В рамках АОИРС В. В. Бартенев и

<sup>4</sup> По сообщению Ю. В. Дойкова, В. В. Бартенев оказался в Архангельске в качестве ссыльного [Дойков 1992, 6], однако эти сведения не подтверждаются.

возвратился к фольклорно-этнографической проблематике. Он, по-видимому, обладал музыкальными способностями, что отразилось в его статье «Обдорские песни (с нотами)», в которой, судя по подзаголовку, были приведены ноты [Бартенев 1914]<sup>5</sup>. Первая часть статьи — преамбула к публикации обдорских текстов — много шире, чем тема обдорской песенности. Очевидно, что уже в Архангельской губернии В. В. Бартенев смог познакомиться (вероятно, в связи со служебными разъездами) с традицией народной песни на Летнем берегу Белого моря. Исследователь в статье предлагает свою классификацию великорусских песен. Прежде всего, он выделяет песни протяжные «с неопределенным напевом», архаические по своей сути, певшиеся по несколько текстов на один напев. Такого рода песни он слышал на Летнем берегу. В. В. Бартенев указывал, что по нотной строке фольклорных сборников — в частности по сборнику Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша [Песни русского народа 1894] — практически невозможно воспроизвести реальное звучание севернорусской песни. Эстетическая значимость песен с «неопределенным напевом» исследователем оценивается очень высоко: «... напевы рассматриваемой группы могут дать богатый материал оперному композитору. В основе их есть какая-то стихийная сила и глубина, которая только не проявляется в достаточно определенных очертаниях» [Бартенев 1914, 671].

Вторую группу песен, по определению В. В. Бартенева, составляют песни протяжные «с определенным напевом»: «мотив определеннее, ритм проще»; «песни эти легко запоминаются, точная запись легче» [Там же]. По его мнению, это песни смоленские, московские, волжские, уральские, сибирские. В качестве примеров исследователь называет широко распространенные по всей России песни «Вниз по матушке по Волге», «Ванька-ключник», «Не спеши, моя красавица, домой», «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке» и др. Напев этих песен, по словам автора, «более отчетливый, совершенный»:

<sup>5</sup> Ноты, по-видимому, были отпечатаны в виде вкладыша в журнал. В экземпляре Библиотеки Российской академии наук вкладыш отсутствует.

«...вторая группа мотивов — плод сравнительно высшей мелодической культуры, вторая ступень песенного творчества» [Там же]. В третью группу песен исследователь включает народные романсы («Хас-Булат удалой», «Чудный месяц» и пр.): «Здесь мелодии ближе подходят к современной европейской музыке, многие народные романсы напоминают итальянские народные песни, взять хотя бы “В одной знакомой улице”, “Мальвину”, хотя заимствования не замечается» [Там же]. Весьма интересно следующее свидетельство фольклориста: «Замечательная и любопытная особенность народных романсов: их необычайно быстрое, какое-то эпидемическое распространение по всей России, причем данная песня долго не держится, а скоро сходит с репертуара, заменяя ее скоро другим новым популярным напевом» [Там же, 672]. И далее В. В. Бартенев приводит примеры с конкретными песнями: «Так, одно время (1876—1879 гг.) вся Россия пела “Стрелочка”, потом “Хаз Булат удалой”, “Мальвину” (1882—1883 г.), “Нигде милого не вижу”. Не так давно все пели “Чудный месяц плывет над рекою” (начиная приблизительно с 1899 года), но потом его отчасти вытеснила “Разлука” (сочиненная гораздо раньше, но бывшая сравнительно в загоне). После японской войны появился “Последний нынешний денечек” и со скоростью железнодорожного поезда облетел буквально всю Россию. Теперь, кажется, чаще поют “Могилу»» [Там же]. Причиной моды на тот или иной народный романс В. В. Бартенев называет шарманку и граммофон.

Исследователь выделяет также напевы духовных стихов, песни ухарские (солдатские, плясовые), детские (с простыми, жизнерадостными напевами), частушки.

Обращаясь непосредственно к обдорским песням, автор отмечает: «Все обдорские напевы отличаются одним общим колоритом: это напевы очень определенные, простые, ясные. Музыкальная фразировка простая и законченная, мотив всегда отчетливо выражен и почти всегда очень музыкален» [Там же]. Очевидно, что В. В. Бартенев был в курсе фольклорной проблематики. Так, он ставит проблему генезиса

обдорских песен: «Огромную разницу я заметил между песнями обдорскими и архангельскими-поморскими. Это кажется странным: ведь и обдоряне, и поморы живут на крайнем Севере и среди сходной природы. Очевидно, тот отряд войска Ермака и его преемников, который проник на Тобольский север, состоял из жителей не из Севера России. Судя по текстам обдорских песен — наиболее близкие варианты встречаются в Оренбургской губернии — родине яицких казаков. Не оттуда ли пришли и первоначальные завоеватели Березовского и Обдорского края? С другой стороны, сравнительно довольно много сходных вариантов есть и в Пермской, Вятской и Вологодской губерниях» [Там же, 673]. Не чужда ему и проблема типологии напевов: «Если применить к характеристике напевов то, что говорит Нитцше о Дионисовском и Аполлоновском начале, то я бы сказал, что, напр., песни Архангельской и Олонецкой губ. выражают Дионисовское начало: в них чувствуется какая-то смутная тоска, неопределенные стремления, неосознанная глубина смущенного и тоскующего духа. Наоборот, в обдорских напевах — простых, кристально-чистых и ясных — слышится Аполлоновское начало ясности, определенности, гармонии, душевного равновесия» [Там же, 674].

В статье В. В. Бартевева «Обдорские песни» приведены 24 песни — игровые (№ 1—13), свадебные (№ 14—22), любовная (№ 23), шуточная (№ 24). Заметим, что обдорские мелодии от В. В. Бартевева записал, как указывает сам автор статьи, профессор В. В. Эвальд, который нотные расшифровки 24 напевов выполнил за три часа. Можно предположить, что В. В. Эвальд — это Виктор Владимирович Эвальд (1860—1935), специалист в области строительных материалов, а также композитор-любитель и виолончелист, член так называемого Беляевского кружка. Он был отцом будущего видного этномузыковеда Зинаиды Викторовны Эвальд, участницы севернорусских экспедиций Государственного института истории искусств в Заонежье (1926), на Пинегу (1927), Мезень (1928) и Печору (1929). Укажем, что и сам В. В. Эвальд в 1926 г. присоединился к Заонежской экспедиции ГИИИ.

В 1916 г. В. В. Бартенев в Архангельском обществе изучения Русского Севера сделал доклад о необходимости собирания народных песен. После его выступления Общество разработало «Наставление для собирания народных песен и других произведений народной словесности и музыки» (Архангельск, 1916), к созданию которого В. В. Бартенев, надо полагать, имел самое непосредственное отношение. Несомненно, он был одним из инициаторов учреждения в АОИРС Комиссии по сохранению старинной народной песни.

В 1918 г., в условиях Гражданской войны, В. В. Бартенев написал статью «Очередные задачи при собирании и распространении русской народной песни» [Бартенев 1918]. В общей формулировке задачи сводились к двум пунктам: собирание песен и их распространение.

В области собирания песен приоритеты им явно отдавались старинным русским народным песням. Однако фольклорист не пренебрегал и образцами поздней песенности: «... лишь бы они по мелодичности мотивов и поэтичности или содержательности текста заслуживали бы широкого распространения и могли успешно вытеснить весь тот песенный мусор, который в лице частушек и т. п. засоряет теперь нашу деревню» [Там же, 77]. Соответственно, конечной целью собирательской работы должно стать полное собрание русских народных песен с напевами — издание, содержащее различные варианты одной и той же песни и снабженное филологическими, историческими и этнографическими комментариями.

При несомненном понимании значимости задачи собирания песенного фольклора В. В. Бартенев в основном в статье сосредоточивается на другой проблеме — просветительской по своей сути — на распространении, культурном внедрении русской народной песни. Фольклорист полагал, что необходимо составить образцовый песенник, в который должны быть включены лучшие (отборные) песни. Лубочные песенники, равно как и редкие песенники, издававшиеся культуртрегерами, В. В. Бартенева не удовлетворяли. При этом он предлагал создавать так называемый «сводный» текст песни, который

«составляется на основании всех имеющихся вариантов» [Там же, 78]. Исследователь, без сомнения, слышал в своем окружении множество возражений против такого метода публикации песенных текстов. Однако твердо отстаивал его в отношении образцового песенника для народа: «Есть голоса против редактирования текста: говорят, что тогда это будет уже не настоящая народная песня. — С этим, однако, согласиться нельзя. При собирании песен — дело другое: записывать надо не фантазируя, а совершенно точно. Но если помещать текст в песенник, предназначенный для распространения в народе, — без редактирования обойтись нельзя» [Там же, 77]. Напев песни, по мысли фольклориста, также может быть воссоздан на основе совокупности вариантов («химически чистый мотив») [Там же, 79].

В 1917 г. В. В. Бартенев стал одной из самых ярких фигур в Архангельском обществе изучения Русского Севера. 30 января 1917 г. он во второй раз был избран товарищем (заместителем) председателя Общества. С № 5 за 1917 по 1919 г. фольклорист редактировал «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». Думаем, что если бы работа В. В. Бартенева по народной песне проходила в спокойной исторической обстановке, то она могла бы принести значимые фольклористические результаты. Однако в силу исторических событий по-настоящему собирание песен развернуто не было.

Февральская революция заставила В. В. Бартенева опять, как и в молодости, вернуться в активную политическую жизнь. Он присоединился к партии кадетов («Партия народной свободы»). После Февральской революции, в августе — ноябре 1917 г., в Архангельске началась напряженная выборная кампания — по выборам членов Всероссийского Учредительного собрания Архангельской губернии в этом новом для России органе было выделено два места. В выборах участвовали кандидаты, выдвинутые четырьмя партиями: эсеры; социал-демократы (меньшевики), объединившиеся с Крестьянской партией; большевики; партия Народной свободы (кадеты). Был также беспартийный выдвиженец от одного из уездов. В. В. Бартенев вместе с А. Е. Исуповым

(бывший депутат I Государственной Думы) были выдвинуты от кадетов. Выборы, напомним, состоялись через несколько дней после Октябрьского переворота. В одном из последних номеров газеты «Архангельск», вскоре закрытой Советами, В. В. Бартепов писал: «Я знаю, что в настоящее время программа партии Народной свободы не привлечет массового избирателя. Русский человек максималист: ему — или все, или ничего. Сколько-нибудь умеренная программа его не удовлетворит, он, как ребенок, может бежать лишь за яркими приманками. К тому же он и невежда: он думает, что от воли законодателей зависит устроить чуть ли не сразу золотой век... Нужны очень суровые, горькие уроки жизни, чтобы заставить русского человека взяться за ум. Но зачем же доводить себя до такого позора? Неужели нам необходимо подвергаться каким-то ударам, чтобы просветлели наши головы?» [Овсянкин 2006, 5]<sup>6</sup>.

Выборы В. В. Бартепов проиграл. 12 ноября 1917 г. Архангельская губерния избрала в Учредительное собрание эсеров А. А. Иванова (85272 голоса) и М. Ф. Квятковского (83459). В. В. Бартепов получил всего 11083 голоса (шестое место из 9 кандидатов) [Юрченков 1927], правда, в Архангельске он шел третьим — после большевика М. К. Муранова (5776 голосов) и своего однопартийца А. Е. Исупова (5619). За В. В. Бартепов в городе было подано 5588 голосов [Юрченков 1927].

После Октябрьского переворота в Архангельске начался период аморфной власти. Архангельский Совет рабочих и солдатских депутатов, созданный еще в марте 1917 г. и состоявший в основном из эсеров и меньшевиков, был гораздо менее решительным, чем Советы в Петрограде и Москве. В течение двух месяцев различные политические силы Архангельска объединялись вокруг или большевистского лозунга «Вся власть Советам!», или лозунга меньшевиков, эсеров (и кадетов) «Вся власть Учредительному собранию!». 5(18) января 1918 г. созванное в Петрограде Учредительное собрание, как известно, было разогнано большевиками. 17—22 февраля 1918 г. в Архангельске

<sup>6</sup> В библиотеках Петербурга номера газ. «Архангельск» за октябрь 1917 г. отсутствуют.

объединенный Архангельский губернский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и избранный им Исполком окончательно объявили о том, что вся власть переходит в руки Советов, причем состоял Исполком на это время в основном из эсеров и меньшевиков, однако к июлю там возобладали большевики. Кадеты, к которым примыкал В. В. Бартепов, на протяжении всего этого периода оказались вне политической борьбы. Газета «Архангельск», бывшая рупором кадетской партии после февраля 1917 г., была закрыта большевиками.

Тем не менее В. В. Бартепов находил возможность высказываться по отдельным политическим вопросам в редактируемом им журнале «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». Так, в начале 1918 г., в связи с договором большевистского правительства о независимости Финляндии, к которой, согласно 15 пункту договора, должны были отойти земли Мурмана, по инициативе В. В. Бартепова в Обществе было создано Бюро по охране целостности и защите жизненных интересов Севера. Бюро послало своего представителя в большевистскую Москву, опубликовало два воззвания к населению Севера, организовало несколько собраний [Бартепов 1918а, 152]. В начале 1918 г. В. В. Бартепов опубликовал целый ряд протестов поморских селений против предполагавшегося присоединения к Финляндии [Бартепов 1918б].

В ночь с 1 на 2 августа 1918 г. в Архангельске произошел антибольшевистский переворот. В городе была объявлена демократическая республика, которую возглавил известный революционер-народник Н. В. Чайковский. Его правительство работало при интервентах Антанты, занявших Север в августе 1918 г.<sup>7</sup>

Уже 14 августа собралось Правление Архангельского общества изучения Русского Севера, которое постановило 19 августа провести Общее собрание, причем пригласить на него членов Верховного Управления и представи-

<sup>7</sup> А также при генерале Белой армии Е. К. Миллере (1867—1937), с января 1919 г. бывшем генерал-губернатором Северной области.



телей союзных держав. Очевидно, что собранию планировалось придать общественно-политический характер. Все выступавшие, среди которых был и Н. В. Чайковский, говорили прежде всего о политическом моменте. И только во второй половине заседания В. В. Барте-нев прочитал доклад о деятельности Общества за десять лет [Архангельское общество изучения Русского Севера 1918]. Впрочем, и его доклад также не обошелся без высказываний, вызванных политической ситуацией в стране. Докладчик подчеркивал, что на протяжении всего десятилетнего существования Общества его члены находились под давлением правивших властей: «Члены Общества, как и вообще вся интеллигенция, до сих пор находились в России в очень неблагоприятных условиях и не могли проявить всех своих сил. Так было при старом царском режиме, так было и при господстве большевиков». И тут же он высказывал надежду: «Новое народное правительство должно дать полную свободу деятельности интеллигенции — этого мозга страны». Он горячо призывал: «Дайте интеллигенции говорить народу правду и только правду, нисколько не заботясь о том, чтобы эта правда была непременно приятна народу, льстила ему. Иначе это будет демагогия, а не честное служение своему народу» [Барте-нев 1918а, 152].

С установлением «белой» власти В. В. Барте-нев опять активно включился в политическую жизнь Архангельска. В октябре 1918 г. он по списку кадетов был избран в Городскую думу.

20 февраля 1920 г. Красная Армия заняла Архангельск. Вскоре в марте В. В. Барте-нев был арестован Архангельской ЧК, вместе с 250 другими противниками большевиков вывезен на один из островов Северной Двины (возможно, остров Ельники под Холмогорами) и расстрелян. По данным Ю. Дойкова, за сохранение жизни В. В. Барте-неву кто-то из большевиков хлопотал перед Лениным, «но безуспешно» [Дойков 1992, 12]. Так революция, пожирающая своих детей, расправилась с одним из своих адептов<sup>8</sup>, а этнография и фольклористика лишились заинтересованного исследователя.

<sup>8</sup> В литературе, как правило, называется другая дата кончины В. В. Барте-нева —

## Литература

Альтшулер 1923 — *Альтшулер С.* В рядах борющихся (Воспоминание) // Красная летопись. 1923. № 8. С. 96—102.

Архангельское Общество изучения Русского Севера 1918 — Архангельское Общество изучения Русского Севера // Изв. Архангел. о-ва изучения Русского Севера. 1918. № 8/9. С. 187—191.

Барте-нев 1895 — *Барте-нев В. В.* Погребальные обычаи обдорских остяков // Живая старина. 1895. № 3/4. С. 487—492.

Барте-нев 1896 — *Барте-нев В. В.* На крайнем северо-западе Сибири: Очерки Обдорского края. СПб., 1896.

Барте-нев 1896а — *Барте-нев В. В.* Понятия обдорских остяков о грехе // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1895—1896. Тобольск, 1896. Вып. 6. С. 9—12.

Барте-нев 1907 — *Барте-нев В. В.* Эпизод из истории освободительного движения в глухой провинции // Русская мысль. 1907. № 11. Отд. 2. С. 63—74; № 12. Отд. 2. С. 46—59. <Подп.: В. Б.>

Барте-нев 1908 — *Барте-нев В. В.* Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов // Минувшие годы. 1908. Т. 10. С. 169—197; Т. 11. С. 168—188. <Подп.: В. Б.>

Барте-нев 1914 — *Барте-нев В. В.* Обдорские песни // Изв. Архангел. о-ва изучения Русского Севера. 1914. № 20. С. 670—685; отд. изд. Архангельск, 1916.

Барте-нев 1918 — *Барте-нев В. В.* Очередные задачи при собирании и распространении русской народной песни // Изв. Архангел. о-ва изучения Русского Севера. 1918. № 3/4. С. 77—80.

Барте-нев 1918а — *Барте-нев В. В.* Очерк деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера в 1908 по 1918 гг. // Изв. Архангел. о-ва изучения Русского Севера. 1918. № 8/9. С. 149—152.

Барте-нев 1918б — *Барте-нев В. В.* Протест населения Архангельской губернии против отторжения части Мурмана // Изв. Архангел. о-ва изучения Русского Севера. 1918. № 3/4. С. 72—74. <Подп.: В. Б.>

Боград 1971 — *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М., 1971.

Бруснев 1923 — *Бруснев М. И.* Возникновение первых социал-демократических организаций (Воспоминания) // Пролетарская революция. 1923. № 2 (14). С. 17—33.

Государственная Дума Российской империи 2008 — Государственная Дума Российской империи: Энциклопедия. М., 2008.

1921 г., причем смерть его не связывается с расстрелом [Коновалова, Шварева 2001, 65—67; Огрызко 2004, 92].

Деятели революционного движения в России 1929 — Деятели революционного движения в России: Био-библиогр. словарь. М., 1929. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 1.

Деятели революционного движения в России 1931 — Деятели революционного движения в России: Био-библиогр. словарь. М., 1931. Т. 5: Социал-демократы. Вып. 1.

Деятели революционного движения в России 1933 — Деятели революционного движения в России: Био-библиогр. словарь. М., 1933. Т. 3: Восьмидесятые годы. Вып. 1.

Дойков 1992 — *Дойков Ю.* История на Голгофе. Краеведы Севера и их судьбы // Смирнов В. И. Город Архангельск в начале 30-х годов XX столетия. Архангельск, 1992. С. 5—16.

Иеропольский 1930 — *Иеропольский К.* Несколько дополнений к статье И. Книжника о Е. Г. Бартенева // Каторга и ссылка: Ист.-рев. вестник. М., 1930. Кн. 2 (63). С. 179—183.

Кауфман 1914 — *Кауфман А. Е.* Некрологи: Бартенева Е. Г. // Исторический вестник. 1914. № 10. С. 339—340.

Книжник-Ветров 1929 — *Книжник-Ветров И. Е.* Г. Бартенева — социалистка и писательница // Каторга и ссылка: Ист.-рев. вестник. М., 1929. Кн. 11 (60). С. 35—66.

Коновалова, Шварева 2001 — *Коновалова Е., Шварева Л.* Авторы «Ежегодника Тобольского губернского музея» // Лукич. Тюмень, 2001. № 3. С. 64—122.

Красин 1923 — *Красин Л. Б.* Дела давно минувших дней (1887—1892) // Пролетарская революция. 1923. № 3 (15). С. 3—28.

Никонов 1927 — *Никонов С. А.* Жизнь студенчества и революционная работа конца восьмидесятых годов // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. / сборник, сост. А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.; Л., 1927. С. 135—181.

Овсянкин 2006 — *Овсянкин Е.* В ногу со временем // Архангельск. 2006. 14 янв., № 5.

Огрызко 2004 — *Огрызко В.* Североведы России. Материалы к биографическому словарю // Мир Севера. 2004. № 1. С. 81—96.

Памятная книжка Архангельской губернии 1909 — *Памятная книжка Архангельской губернии на 1909 год.* Архангельск, 1909.

Памятная книжка Архангельской губернии 1911 — *Памятная книжка Архангельской губернии на 1911 год.* Архангельск, 1911.

Памятная книжка Архангельской губернии 1912 — *Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 год.* Архангельск, 1912.

Памятная книжка Архангельской губернии 1913 — *Памятная книжка Архангельской губернии на 1913 год.* Архангельск, 1913.

Памятная книжка Архангельской губернии 1915 — *Памятная книжка Архангельской губернии на 1915 год.* Архангельск, 1915.

Памятная книжка Архангельской губернии 1916 — *Памятная книжка Архангельской губернии на 1916 год.* Архангельск, 1916.

Памятная книжка Псковской губернии 1897 — *Памятная книжка Псковской губернии на 1897 год.* Псков, 1897.

Памятная книжка Псковской губернии 1899 — *Памятная книжка Псковской губернии на 1899 год.* Псков, 1899.

Памятная книжка Псковской губернии 1901 — *Памятная книжка Псковской губернии на 1901 год.* Псков, 1901.

Памятная книжка Псковской губернии 1903 — *Памятная книжка Псковской губернии на 1903 год.* Псков, 1903.

Памятная книжка Псковской губернии 1906 — *Памятная книжка Псковской губернии на 1905 и 1906 год.* Псков, 1906.

Песни русского народа 1894 — *Песни русского народа: Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. / записали: слова Ф. М. Истомина, напевы Г. О. Дютш.* СПб., 1894.

Сибирская советская энциклопедия 1921 — *Сибирская советская энциклопедия.* Новосибирск, <1921>. Т. 1.

Сорель 1892—1908 — *Сорель А.* Европа и французская революция / с предисл. Н. И. Кареева. СПб., 1892—1908. Т. 1—7.

Тобольский Север 1998 — *Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века / сост. Л. П. Рошевская, В. К. Белобродов.* Екатеринбург, 1998.

Хроника 1914 — *Хроника // Новое время.* 1914. 11 (24) сент. № 13829.

Швецов 1928 — *Швецов С. П.* Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 3 (40). С. 57—87.

Юрченков 1927 — *Юрченков Г.* Борьба за Учредительное собрание // Октябрьская революция и интервенция на севере. 1917—1920. Архангельск, 1927. С. 121—125 (Истпартотдел Архангельского губкома ВКП(б); Сб. № 4).

Юрченков 1927а — *Юрченков Г.* Партии Севера в Октябрьские дни // Октябрьская революция и интервенция на севере. 1917—1920. Архангельск, 1927. С. 160—161 (Истпартотдел Архангельского губкома ВКП(б); Сб. № 4).

**Summary.** The article is dedicated to V. V. Bartenev's biography (1864—1920). He was a revolutionary who was living in exile in the village of Obdorsk in Western Siberia where he collected an ethnographic material about Ostyaks, and also about the Russian population of the region. V. V. Bartenev has recorded Russian songs in Obdorsk. The author considers V. V. Bartenev's political activity and specifies circumstances of his death.

**Key words:** V. V. Bartenev, ethnographer, specialist in folklore, obdorsky songs.